

Олег Шевчук

Грозовая девушка
(рассказ)

Олег Шевчук

Грозовая девушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30478840

SelfPub; 2018

Аннотация

Гроза. Этот сон снился мне каждую ночь. Повторялся. Был моим благословением и проклятьем. Гроза. Льющие с неба холодные потоки воды. Разрезающие тучи яркие вспышки молний. Грохочущий, яростный гром. Вдалеке, за потоками ливня, стояла девушка и спокойно смотрела вверх. Глаза её светились.

Я сидел на крыльце и смотрел в небо. Низкие тучи, словно серые волны, торопливо катились вдаль.

Не знаю с чего всё началось. Молнии – такие красивые. Они всегда ослепляли меня. Глядя на них, я думал, что может и сам нечто большее. Что может быть просто ещё не вспыхнул и чего-то жду. Так мне казалось.

Желание пришло ко мне внезапно, примерно год назад, с очередной молнией, и так же внезапно я осознал, что смогу его осуществить.

Девушка. Девушка, которую я создам из грозы. Настоящая Грозовая девушка – вот чего я хотел.

Гроза подходила всё ближе. Ветер усиливался. С неба начали падать первые тяжёлые капли.

Я поднялся, зашёл в дом и закрыл дверь. Английский замок в ней сухо и отрезвляюще щёлкнул.

Глупая мечта.

Я прошёл в комнату, уселся в кресло и закурил.

Мечты потому и называют мечтами, что им нет места в реальности... Грозовых девушек не существует..., и люди не могут оживлять. Не могут создать ничего, что будет выше их.

Я подошёл к холодильнику, достал банку пива и выпил залпом.

У меня проблема, я знаю... Ну и что? Кому какое дело, сопьюсь я в конце концов или нет? Для чего не спиваться? Продолжать монотонную жизнь?

За первой банкой последовала вторая, третья... Опьяне-

ние не наступало. Моя голова оставалась забитой глупыми надеждами и фантазиями. Я смотрел в потолок, но видел, чувствовал, за ним небо. Мысли текли вяло, сбивались, но всё равно возвращались к Грозовой. Смогла ли бы такая девушка сделать молнии другими? Зелёными или красными, например... Гроза с разноцветными молниями – это должно быть красиво...

Уснул я в эту ночь быстро. Точнее даже не уснул, а вырубился прямо возле холодильника, сидя на корточках и прислонившись к нему спиной.

Мне снилось что-то, какой-то тихий голос, говоривший то, что я слышать не хотел. Укора в нём не было, лишь правда. Правда, от которой не хотелось жить.

Прошло несколько дней. Неделя. Может две. Утром и днём я работал, вечером «до точки» пил, вырубался и всеми силами, в снах, гнал от себя проклятый, тихий и холодный, шёпот.

В очередной вечер я снова напился. На улице совсем стемнело, а меня вдруг охватил неясный стыд. Последнюю недопитую банку я уже просто вылил и выбросил. Курить тоже не хотелось. Меня воротило от собственной слабости и самого себя.

«Пустота», – подумал я и взглянул за окно. Пустота не имеет начала. Ты стоишь на краю бездонной пропасти и бессмысленно смотришь вниз. Иногда ты даже задумываешь-

ся... , а не шагнуть ли тебе в неё. Но... у человека нет крыльев. И если ты сделаешь шаг, то ты упадёшь. Кроме этой жизни же у нас тоже, скорее всего, ничего нет...

Пустота не имеет начала. Теперь я понимаю это. Всю свою жизнь я бежал. Пытался спрятаться. Пытался не замечать. Но... , просто однажды ты просыпаешься и чувствуешь... , чувствуешь внутри себя пустоту.

Человек не может чувствовать больше, чем уже есть внутри него. Что страшнее: жизнь в пустоте или пустая жизнь? Ответ на этот вопрос скажет многое.

Что я делал всё это время? Набивал себя информацией. Глотал и не прожёвывал. Загружал себя работой и сокращал досуг. По факту я делал всё, чтобы не думать. И лишь бы не чувствовать... пустоту.

Моё детство в приюте и юность прошли словно дурной сон. С обыденной точки зрения я многого добился. У меня появился свой дом и лаборатория. Во многих научных журналах часто мелькает мой псевдоним. Я «поднялся», как сказали бы многие. Я – «успешный человек».

Задёргивать шторы было больно. Я убеждал себя, что всё это выдумки, что никаких Грозových девушек не существует, а гроза словно почувствовала моё смятение и затихла.

За окном тихо капал дождь.

Дождь или слёзы самой прекрасной в мире девушки.

Девушки, в которую я не поверил.

Наполненный яростью я распахнул шторы и кулаками вы-

бил стекло.

Гроза полыхнула с новой силой. В блеске молний и потоках ливня она ждала меня. Всё это время ждала...

Я вышел на улицу.

Смотреть в ночное небо, с которого льётся дождь, опьяняло.

Я чувствовал, как холодные капли стекают по моему лицу. Мне хотелось, чтобы удары грома стали стуком моего сердца. Чтобы меня услышали все.

Я хотел верить.

Не каждому дано своими руками воплотить мечту, но я это сделал. Бессонные ночи, тесты, расчёты и графики сплелись в моём сознании в единую бесконечную ленту. К сигаретам и пиву я больше не прикасался.

Сколько прошло времени я не знал. Да это было и неважно. Всё что меня интересовало – результат. Цель. Победа.

Технологии, которые я использовал, были далеки от «научных». Вернее даже не так. Некоторые из наук, которые я использовал, «официально» таковыми не считались. Людям, в конце концов, всегда проще закрыть глаза на что-то, чем признать собственную невежественность. Начинался мой список физиологией, генетикой, биохимией и физикой, заканчивался астрологией, нумерологией и учениями китайских и индийских мудрецов.

И вот этот миг настал. Я справился..., но ошибся. Гро-

зу нельзя приручить, этого я не учёл. Едва созданная мной девушка открыла глаза, у меня перехватило дыхание. Наши взгляды встретились, и я был ослеплён. В глубине её чёрных глаз, там, за внешней оболочкой, была бесконечность. Бесконечность, внутри которой сверкали молнии и бушевал настоящий, безудержный, шторм.

В комнате, словно дорогими духами, мягко запахло озоном. От тела девушки, которую я создал, к кровати, словно мини-молнии, побежали статические разряды. Волоски у меня на коже поднялись. Комната наполнилась статикой. Девушка грациозно встала и шагнула к окну.

В комнате потемнело. Холодный поток воздуха ворвался в раскрытое окно, сорвав занавеску и разметав лежащие на столе бумаги.

Грозовая девушка молчала. Я тоже. Все слова вдруг стали казаться мне глупыми и тяжёлыми, как и вся моя прежняя жизнь. За окном хлынул дождь. Яркие молнии ударяли в установленные во дворе громоотводы и разбрасывали шипящие искры. Ливень, гонимый потоком ветра, рвался в открытое окно.

Странно, как быстро человек ко всему привыкает. Уже спустя каких-то пару недель после появления нереального создания в моём доме, мне стало казаться что так было всегда.

Проблем с общением у нас с созданной мной девушкой не

возникло. По интеллекту и скорости обучения она явно превосходила большинство людей. Если, конечно, не всех. Не знаю почему, но последняя мысль слегка меня беспокоила.

Имя она выбрала себе сама. Просто на следующий после своего «рождения» день, вечером, сказала мне, что теперь её зовут Ая. Откуда она взяла это имя и почему остановила свой выбор именно на нём, я не знал.

Назвать Аю обычной у меня бы язык не повернулся, но и чрезмерно отличной от людей она не была. Почему-то меня не покидало ощущение, что она словно контролирует что-то в себе, подавляет свою природу. И ещё. У неё совершенно не было чувств. Лицо её, холодное и непроницаемое, всегда выглядело одинаково. Тон голоса не менялся, о чём бы мы с ней ни говорили.

Чуть позже, впрочем, я всё же стал замечать кое-что. Иногда её меланхолия сменялась вспышками не вполне понятного мне раздражения. Вела себя Ая при этом как обычно, но..., я просто словно чувствовал что-то и всё. Ещё позже я заметил, что в каждый из этих моментов начиналась гроза.

Прошла ещё пара недель. Ая относилась ко всему всё так же холодно и безучастно, однако зачем-то начала изучать людей. Анатомия, физиология, психология... книги по всему этому я теперь находил у неё в комнате постоянно. К компьютеру и, тем более, интернету я её, естественно, пока не подпускал.

Жил я отдельно от других людей, в частном доме, неподалёку от небольшого городка, в который навещался разве что за покупками. В общем, пока вмешательства в нашу жизнь я мог не бояться. Самой же Ае я отходить далеко от дома запретил, хоть и понимал что с моей стороны это всего лишь бравада. Обмануть я мог её, но не себя. Созданная мной девушка слушалась меня лишь потому что меньше знала о мире, вот и всё.

Что сама Ая не человек, я ей пока не говорил, хоть обманывать её мне и было сложно. Когда Ая смотрела мне в глаза, у меня возникало странное ощущение. Чувство, словно она смотрит «в меня», видит все мои мысли и душу. Быть такого, впрочем, естественно, не могло.

Возможно всё стало бы проще, если бы я сказал ей, попытался объяснить разницу между нами, но... сделать это я по какой-то причине себя заставить не мог.

На следующее утро я проснулся ещё раньше обычного. Спал я вообще в последнее время тревожно: засыпал лишь в два-три ночи, а просыпался в шесть-семь утра.

Работа меня не волновала. Денег у меня было достаточно, а рабочий график и заработок зависели лишь от меня самого, поэтому я взял сейчас небольшой отпуск. В конце концов что могло быть важнее, чем изучение Аи?

Я быстро умылся, выпил кофе, переписал в рабочий журнал с черновиков свои последние наблюдения и мысли, а за-

тем ещё некоторое время просто слонялся по дому.

Ая всегда выходила из своей комнаты в разное время, поэтому её режим дня я разгадать не мог. Физиологически её тело почти не отличалось от человеческого. Почти. Сон и пища ей тоже были необходимы..., скорее всего.

Делать мне, в общем-то, было больше нечего, а будить Аю я, если честно, слегка побаивался. Её сила была нестабильна, особенно по утрам. Пару дней назад она уже чуть не устроила пожар.

Я быстро переоделся в спортивный костюм, для прогулки, и вдруг осознал, что в доме что-то не так. Привычной уже прохлады и лёгкого запаха озона не ощущалось. Воздух казался слишком сухим и тяжёлым. Дышать им было противно.

Сердце у меня сжалось. Я взбежал по лестнице на второй этаж, к комнате Аи, и без стука ворвался в неё.

В голове у меня проносились обрывки информации из использованных прежде книг. Что делать, если с Аей что-нибудь случится, если она вдруг заболеет или поранится, я не знал.

Сама мысль о том, что я могу её потерять, сводила меня с ума. И дело было уже не в науке или эксперименте. Все мои логичность, бесстрастность и объективность, которыми я всегда так гордился, полетели ко всем чертям.

– Ая?!

Я быстро оглядел комнату. Девушки в ней не было. И

ушла она, видимо, ещё до того, как я встал.

Это был первый раз, когда Ая полностью меня проигнорировала, даже не посчитала нужным сказать, зачем и куда идёт. К моей тревоге за неё добавилась ещё и лёгкая обида. Я быстро спустился вниз, вышел из дома, со двора..., а затем в нерешительности остановился.

Снаружи всё ещё было темно и слегка прохладно. Дождя не было, но по ощущениям он мог начаться вот-вот.

Я поднял голову и уставился в небо. На языке вертелся лишь один вопрос: «Куда мне идти?». В тот миг..., не знаю..., наверное я молился. Молился, чтобы с Аей было всё хорошо.

С неба, словно в ответ мне, западали первые мелкие и холодные капли. Они катились по моему лицу, словно слёзы, смывали всю накопившуюся тревогу и обиду. Я вдруг почувствовал облегчение. Ая была близко. Её дождь я бы не спутал ни с чем.

Где-то вдалеке тихо заурчал гром, появились первые зарницы. Я заставил себя опустить голову и быстрым шагом пошёл к реке.

Ая стояла прямо у воды и холодным безучастным взглядом смотрела куда-то вдаль. Если бы я не знал её, то решил бы, что ей сейчас очень грустно. Одежда Аи лежала неподалёку, а вместо неё по телу девушки бежали яркие электрические разряды.

Ая вдруг оглянулась и посмотрела мне прямо в глаза. У неё самой они сейчас, от сверкавших в них молний, были почти что белыми. Прямо как тогда, в миг её рождения.

У меня перехватило дыхание. Я остановился. Все слова, вдруг ставшие тяжёлыми, словно камни, застряли у меня в горле. Я хотел сказать ей так много, но не мог сказать ничего.

Самая прекрасная. Та, что выглядит такой хрупкой, но по твёрдости превосходит алмаз.

Она совершенна. Если она поёт – её слушают птицы, если танцует, то ветер стыдливо замирает, боясь сравнения с ней. С той, что рождена повелевать. С богиней, которой подвластно всё. Она пришла в этот мир, чтобы наследовать.

Ая отвернулась, ступила на воду... и пошла по ней. Выглядело это как нечто само собой разумеющееся.

Я слышал, как запела река. Капли дождя падали и сливались в музыку. Такой прекрасной мелодии, я уверен, не слышал никогда и никто.

Ая дошла до середины реки и начала танцевать.

Танец в потоках ливня. Танец на воде.

Её светом были вспышки молний, её музыкой был ветер, её ритмом был гром.

Уверен, что она поняла, что я смотрю. Ей было всё равно.

Она могла убить меня одним ударом молнии и знала это.

Как знал и я.

Когда она запела, мне показалось, что содрогнулись горы. Звуча столь яркого и чистого не слышал никто.

Спокойная песня звучала с силой камня. Слова ложились, словно твёрдый мост. Мост от человека и до небес.

Я... был здесь лишним, но я... смотрел. Смотрел молча. Парализованный. Не в силах сдвинуться с места. Это была даже не любовь. Это было восхищение. Без капли гнева и зависти я признал, что я никто по сравнению с ней.

Ая закончила свои песню и танец, вернулась на берег, подобрала одежду и молча прошла мимо. Я вздрогнул. Окружившее её тело поле ощущалось физически. И оно... меня оттолкнуло.

Домой я отправился не сразу. Некоторое время просто стоял под дождём и глядел на реку..., вернее в никуда. Небо, к этому времени, уже заметно посветлело. Наступало утро.

В голове у меня было пусто, как и в сердце.

Что я делал всё это время? Зачем её изучал?

Теперь я вдруг понял, почему Ая отказалась проходить мои тесты. Всё, что они показывали – ложь.

– Обезьяна, изучающая человека...

Я поднял голову и напоследок взглянул на тучи.

Дождь уже кончился. Вдалеке сверкали зарницы, и тихонько урчал гром.

Небо было серым и каким-то необъяснимо чистым.

Можно ли назвать прекрасным небо, на котором нет облаков? Кто-то может и назовёт, я – нет. Где нет движения, там умерла жизнь. Так мне кажется...

Я повернулся и медленно побрёл к дому.

Прошла неделя, затем две. Ая в мои дела не вмешивалась и большую часть времени проводила наверху, у себя в комнате. Я после того утра с головой ушёл в работу и тоже, по возможности, старался её избегать.

Безразличие Аи, отсутствие у неё эмоций, теперь раздражало меня куда сильнее, чем раньше. Раздражало, если не сказать прямо – бесило. В какие-то моменты я вообще доходил до мыслей, что она попросту притворщица, лгунья..., доходил и ненавидел себя за них.

Для излишне логичного человека, вроде меня, чувства – опаснейший яд. Я всегда держу эмоции под контролем, знаю насколько они у меня разрушительны.

Сейчас же..., всего лишь, наверное, тонкий лёд отделял меня от бездны. Я отчаянно пытался не думать об Ае. Пытался, но не мог. Она снилась мне каждой ночью. Её танец, её голос, её чёрные, обворожительные, глаза.

Причину того, что со мной происходит, я, конечно же, уже понял. Понял, но боялся, не желал её признавать. Потому что это значило бы, что я проиграл.

Продолжаться так, впрочем, всё тоже не могло. Чем больше проходило времени, тем больше я волновался. Раньше я хоть немного понимал, что у Аи на уме. Что я буду делать, если она вдруг решит уйти, я не знал. Отпускать её одну к людям было слишком опасно. Мне срочно нужно было най-

ти повод и хоть о чём-нибудь с ней поговорить.

Поднимаясь по лестнице к комнате Аи, я изо всех сил напрягал свои память и логику. Какой вопрос может прозвучать естественно и словно бы между делом? Какая тема для разговора может её заинтересовать? Идти было тяжело, а мои излишне медленные шаги по ступеням звучали наверняка глупо. Все чувства Аи, в частности и слух, были в разы острее человеческих. Это мне вспомнилось уж и совсем некстати.

Дверь комнаты Аи была закрыта. Это было странно, потому что раньше она, кажется, её не запирала. Руку, чтобы постучать, я заносил и опускал несколько раз. Чувствовал я себя при этом донельзя жалко и глупо.

– Входи! – раздался вдруг из-за двери холодный резкий голос.

Я вздрогнул, повернул ручку и, судорожно вдохнув, зашёл.

Ая сидела прямо на полу, у кровати, и читала. В её случае это, правда, выглядело как обычное переворачивание страниц. Я про себя отметил, что книга, которую она держит, написана на японском. Руководство по классической медицине, кажется. Я всё хотел посмотреть его в оригинале, даже заказал, попытался перевести, но затем понял, что лишь теряю время, отвлёкся на что-то и, в общем, всё забросил.

На меня Ая внимания не обращала. Я быстро и по возможности незаметно её осмотрел. Со здоровьем у неё, вроде

бы, всё было в порядке. Эта мысль неожиданно слегка меня успокоила, как и само поведение... моей подопытной.

За попытку думать об Ае в таком ключе мне вдруг стало стыдно, кроме того мой разум сам собой зацепился за слово «моя». В горле у меня пересохло, а все темы для разговора я забыл. Молчание затягивалось. Хотя неловкость от него, кажется, ощущал лишь я.

– Я..., прости, что не заходил..., работа... – пробормотал я, наконец.

Ая лишь, не отрываясь от книги, кивнула.

Я откашлялся. Голос у меня был севшим, тихим, а сам тон, против моей воли, вышел слабым и извиняющимся.

– Ты... выучила японский?

Я сделал очередную попытку её отвлечь. На мне бы это сработало точно. С моей-то шизоидной акцентуацией характера.

– Вчера.

Ая перевернула последнюю страницу, закрыла книгу и взяла из стопки следующую... на немецком.

– Твоя сила... Ты можешь сделать молнии другими?

Я подошёл чуть ближе и остановился, как бы изучая прочитанные ей книги. Их в стопках «законченных» было уже около тридцати-сорока штук.

– Другими?

Ая неожиданно отвлеклась и пристально на меня посмотрела. От её спокойного холодного взгляда мне почему-то

вдруг стало не по себе. Глаза её были полностью чёрными. Глядя в них, я вспомнил, как давно не было гроз.

– Цветными...

Я вдруг почувствовал, что краснею. Зря я, наверное, вообще завёл этот разговор.

– Глупость.

Ая посмотрела в книгу, но затем вдруг неожиданно отложила её, поднялась и вышла из комнаты. Даже без слов я понял, что должен следовать за ней.

Проходя к выходу, я мимоходом бросил взгляд на часы. Была половина шестого. Почти вечер уже.

Снаружи было прохладно и почему-то неожиданно тихо. Край неба почернел, откуда-то издалека доносилось тихое урчание грома.

Ая шла впереди, меня не дожидаясь. На калитку она просто взглянула и та, словно от резкого порыва ветра, сама перед ней распахнулась. Я вдруг почувствовал в воздухе сильнейшее напряжение.

Ая свернула на тропинку, ведущую к реке. Я поспешил за ней, оставаясь, впрочем, всё же чуть позади. Куда она точно идёт, я не знал, а спрашивать её в таком состоянии мне не хотелось. Если бы я не был уверен в том, что Ая не может испытывать эмоции, то решил бы, что она сейчас злится.

До того места, где она тогда танцевала, мы дошли в молчании. Меня охватило недоброе предчувствие. Ая остановилась у самой воды и обернулась.

– Иди сюда!

Она поглядела на меня как-то странно, даже пристальнее обычного. Немного растерянный, под её изучающим взглядом, я медленно подошёл.

– Смотри!

Она подняла руку и указала на небольшую тучку. Та при этом вдруг сильно замедлилась, зависла на месте, хоть и продолжала медленно, сердито, клубиться.

– Слышишь? – Ая начала плавно вращать пальцем, и туча покорно закружилась, превратилась в спираль. – Ты должен слышать... музыку...

Она явно хотела уточнить, добавить ещё что-то, но вдруг остановилась. Взгляд её, прямой и холодный, упёрся мне в переносицу.

Небо вдруг резко потемнело. Я неверяще поглядел на него.

Палец Аи продолжал медленно вращаться. В грозовой водоворот вокруг бывшей мелкой тучки собирались и другие. Ветер усиливался. В центре «глаза бури» уже начали мелькать первые яркие молнии..., как и у Аи в глазах.

Я вдруг с холодной отчётливостью понял, что если она не остановится, если захочет, то эта её спиральная тучка превратится в мощнейший, разрушительный, торнадо. Стоящая передо мной девушка была... совершенным оружием.

На реку налетел сильнейший ветер. В лицо мне хлынул поток брызг. От неожиданности я вдохнул слишком много

воздуха, задохнулся и инстинктивно отвернулся, прикрыв руками лицо.

Ая опустила руку. Ветер тут же ослаб, а затем и стих во все.

– Теперь ты!

Она подошла ко мне вплотную, вдруг взяла меня за руку и подняла её вверх.

Я вздрогнул. От внезапно нахлынувших эмоций мне показалось, что по моему телу пропустили мощнейший ток. Пальцы Аи были прохладными, длинными и нежными, но хватка неожиданно крепкой. От запаха озона у меня закружилась голова.

«Я... не могу ей сказать», – мелькнула у меня паническая мысль. Я не мог. Не мог сказать ей, что мы разные. Только не сейчас. От нахлынувших на меня стыда и отчаяния мне хотелось плакать. Я должен был всё рассказать ей. Должен был объяснить..., но не мог.

Сердце стучало как бешеное. Вся моя оставшаяся логика, весь лёд объективности, что я отчаянно собирал в себе, треснул от одного её прикосновения. И я... провалился в бездну. Прямо сейчас я бы всё отдал, чтобы ещё хотя бы несколько секунд вот так постоять.

– Ну!

Ая отпустила мою руку и выжидательно на меня посмотрела.

Я поднял голову к небу, даже попытался прислушаться,

услышать ту «музыку», о которой она говорила..., но, естественно, зря.

Простоял я так минут, наверное, пять-семь. Достаточно чтобы показать ей, что я пытаюсь. Хотя..., я и пытался. Не знаю, что на меня нашло. На что я надеялся.

– Ты должен слышать музыку.

Ая сделала шаг назад, от меня, затем, медленно, ещё один.

Я наконец опустил руку и виновато покачал головой. Скорее всего, взгляд созданной мной девушки по-прежнему ничего не выражал, но я видел, чувствовал, в нём разочарование.

Я отвернулся. Где-то глубоко внутри меня зарождалась злость. «Они слушаются сами», – она не сказала этого, но я всё равно понял. Для неё это естественно. Нормально. И значит ненормален я.

Обычное небо. Никакой музыки.

Это значило, что я не смог.

Мне вновь захотелось напиться.

Если я низок, то к чему бороться? К чему представлять себя выше, чем есть?

– Почему?! Почему ты думаешь, что можешь всё?!

Я резко обернулся, не в силах больше сдерживать свой гнев. Ненависть к ней..., даже нет..., ненависть к нашей разнице, захлестнула меня.

– Потому что могу. – Ая полностью проигнорировала мой повышенный тон. – Это нормально. Я думаю.

Она поглядела на свою руку, затем прошла мимо меня и направилась к дому. Грозу она, видимо, продолжать не собиралась. С неба, словно издеваясь надо мной, заморосил слабый, жалкий дождь.

Домой я вернулся намного позже Аи, долго колебался, хотел съездить в магазин за пивом или ещё чем покрепче, затем, правда, немного остыл и отбросил эту идею. Алкоголь – депрессант, в конце концов, лучше бы мне от него не стало точно.

Вернувшись, я быстро принял ванну, переоделся в сухое, глотнул чая, проверил электронную почту, а затем, не придумав ничего больше, пошёл спать.

Пробуждение моё, следующим утром, было, мягко говоря, странным. В дверь моей комнаты постучали. Холодно, чётко, отрывисто. Чтобы Ая сама пришла ко мне и, более того, меня разбудила – такого не было никогда.

В панике я вскочил, за какую-то секунду оделся и распахнул дверь. Ая легко кивнула мне в знак приветствия. Я неловко кивнул в ответ. Она, не дожидаясь приглашения, прошла мимо меня и остановилась возле... компьютера.

В горле у меня пересохло. Если она узнала..., если она узнает, что это, то весь мой план держать её в неведении рухнет в тот же миг.

– Машинка для печати.

Я подошёл чуть ближе, но отвлекать её от находки не рискнул, побоялся обратной реакции.

Ая медленно провела по клавишам, потрогала монитор, затем системный блок... и, наконец, повернулась ко мне.

– Компьютер. С доступом к интернету. Спутниковому. Телевизор ты не смотришь, а антенна есть.

Она замолчала и посмотрела мне в глаза, изучая мою реакцию. Отрицать что-либо было уже бессмысленно. Чувствовал я себя паршиво. словно школьник, вдруг уличённый взрослым во лжи.

– Тебе рано..., – пробормотал я, наконец. – Там... много всего..., разного.

Сон с меня уже как рукой сняло, но мозг, видимо, в полную силу ещё не заработал. Вести диалог в нужном мне направлении было трудно. Аргументы не придумывались.

Ая неопределённо хмыкнула, но от компьютера всё же чуть отошла. Я вдруг заметил, что в её правой руке что-то есть, какой-то мелкий блестящий предмет. По спине у меня пробежал холодок. Холодок вместе с предчувствием чего-то ужасного, какой-то неотвратимой, жуткой, беды. Присмотревшись, я понял, что в руке Аи один из моих рабочих скальпелей.

– Кровь человека красная!

Ая вдруг чиркнула себе скальпелем по венам. Остановить её я не успел.

Кровь Аи закапала на пол. Бело-голубая, светящаяся. Чи-

сто рефлекторно я отметил, что такой она быть не должна. Раствор, выполнявший в её организме функцию крови, был бледно-розовым.

«Что же ты делаешь, дурочка?!», – вспыхнула у меня паническая мысль. Я бросился из комнаты, за аптечкой, но когда вернулся, на руке Аи уже не было даже шрама. Вернее на какую-то секунду я его заметил, но он почти сразу исчез.

– Я не человек. И ты мой создатель. Не отрицай, я уже всё поняла!

Ая смотрела прямо на меня, и впервые я чувствовал, как она колеблется, словно это её понимание вдруг резко изменило мой статус в её глазах. Это были не чувства, нет, скорее обычная логика. Так один учёный мог бы признать гений другого, понять, что сегодня, здесь и сейчас, тот его умнее и опытнее.

У меня на миг перехватило дыхание.

Я был счастлив. Счастлив, как мужчина, но... было в этом что-то неправильное. Во-первых, я не чувствовал себя умнее. Во-вторых, всю мою теорию Ая поняла за какую-то неделю-две. И это при том, что сама она появилась в этом мире совсем недавно.

– Да. – Произнёс я, наконец, подошёл к кровати и небрежно забросил её покрывалом. – Я рассказал бы тебе... позже...

Ая ждала объяснений, конечно, но дать их ей я пока не мог.

Настроение моё, от каждой случайной мысли, то поднималось к небесам, то проваливалось в бездонную, мрачную, пропасть. И сейчас, на самом деле, я просто пытался выгадать время.

Ая, вела себя вроде бы спокойно, как всегда, но... напряжение в комнате усиливалось. Затем она вдруг словно «пришла в себя», как-то странно кивнула мне и вышла. Лишь спустя несколько секунд до меня дошло, что было во всём этом не так. Этот кивок..., на самом деле это был полупоклон, знак уважения. Я вышел из комнаты, кое-как закрыл за собой дверь и, пошатываясь от шока, побрёл в ванную.

На размышления Ая дала мне два дня. Возможно, она ждала бы и дольше, не знаю. На меня она не давила и вообще больше сама не подходила ко мне. Гроз в это время тоже не было..., что было странно и немного жутковато.

В общем, объяснить созданной мной девушке всё было моим решением. Я рассказал ей про этот мир, свою жизнь, мечту, которая переродилась в теорию, и так далее. Ая приняла всё это спокойно, молча, и задала, по ходу моего рассказа, всего два или три уточняющих вопроса. Эмоции у неё по-прежнему не проявлялись.

Прошёл ещё день, два, затем неделя. Ая вдруг вновь согласилась проходить любые мои тесты, даже самые ненавистные ей – психологические. «Всё это я делаю для её же блага», – так я успокаивал себя, но на самом деле у меня возник

кало нехорошее чувство. Словно я за ней следил.

Мы были разными во всём. Подтвердив то, что она не человек, Ая перестала даже пытаться нас копировать. Она перестала есть и полностью перешла на электричество. Энергию, при этом, она брала прямо из воздуха, можно сказать «из ниоткуда», потому что разгадать весь этот механизм даже я, её создатель, не мог.

Спать Ая тоже практически перестала. Один жалкий час в день, который она, по моему настоянию, всё же проводила в постели, не в счёт. Скорее всего, она в это время просто о чём-либо размышляла.

Внешне, на первый взгляд, наши с Аей отношения слегка потеплели. На самом же деле всё было с точностью до наоборот. Холод пропасти между обезьяной и человеком. Теперь я чувствовал его, подходя к ней, каждый раз. Я не спрашивал её, да мне и не было нужно. Я чувствовал, вот и всё.

Глупо было надеяться, что она полюбит меня. Ведь она необычная, а я... обычный. Обижаться не на что. Мы просто не пара и всё. Так же, как человек не может полюбить обезьяну, та, которую я создал, не могла полюбить меня.

В это же время Ая практически беспрекословно мне подчинялась. С чем связано подобное её поведение я не знал. В проявлениях своей силы, после того нашего разговора, она тоже неожиданно начала сдерживаться. Иногда Ая ходила на реку..., но просто стояла там, пристально глядя на воду.

Всё это было неправильно. Грозу нельзя приручить, обла-

дать ей. Можно – лишь восхищаться. Покорность не была тем, что было мне нужно. Я хотел не её покорности, а любви.

Каждый раз, видя её стоящей вот так, я хотел подойти к ней... сказать, что люблю её, открыть, наконец, свои чувства... но не мог. Обезьяны не признаются в любви людям. Я не имел права на такую любовь. Я знал это и ненавидел это знание.

Так прошла ещё неделя. В это время я словно разделился на двух разных людей. Вся грязь, что была на дне моей души, вдруг поднялась на поверхность. Покорность Аи сводила меня с ума. Я перестал доверять своим алчным глазам, ненавидел себя и боялся. Иногда..., я даже задумывался о том, чтобы приказать Ае себя полюбить.

Очередной день моих мучений начался как обычно. Я, пытаясь отбросить все «лишние» мысли, сравнивал Аю с её компьютерным «прототипом», с тем, что задумывалось изначально. Красота Аи, конечно, не была случайностью. Для моего эксперимента мне нужно было совершенство. На полумеры я был не согласен. При этом, хоть я и разбирался немного в 3D-моделировании, но был в нём всё же не слишком силён.

В общем, задействовав кое-какие связи и изрядно раскошелившись, я получил то, что мне было нужно – полный 3D-скан тела одной действительно красивой девушки-модели, её ДНК, рентген костей, сосудов и ещё некоторые мелочи. Сей-

час мне почему-то казалось, что это было уже давно...

Забавно, но ни имени, ни лица той девушки я не запомнил. Откровенно мне и во время сканирования-то не было до неё особого дела, хотя она, кажется, мной заинтересовалась. Ну..., не мной, конечно, моим именем, положением, деньгами. Смущение даже разыгрывала, всё спрашивала, зачем я так тщательно её изучаю.

Да..., первоначально тело Аи было таким..., почти как у той девушки, лишь с некоторыми, добавленными мной, поправками. За это время, однако, она изменилась. Изменилась её кровь, дыхательный ритм, рост, вес, внешность, основные женские параметры и так далее. Тело созданной мной девушки совершенствовалось. Не хотел бы я на месте той модели с ней встретиться. «Копия» и изначально превосходила «оригинал», но теперь... эта разница стала слишком очевидной.

Я оторвался от микроскопа, отодвинул стул и медленно поднялся. Борьба внутри меня усилилась, разрослась до масштабов внутренней войны. Мне... нужно было осмотреть Аю, чтобы понять, как именно изменяется её тело. С другой стороны я мог вполне без этого обойтись, попытаться понять всё по одним анализам и последнему, позавчерашнему, 3D-сканированию.

К комнате Аи я вновь шёл нерешительно и медленно, однако... всё-таки шёл. Я как мог сопротивлялся, убеждал себя, что этого делать не стоит, но устоять перед подобным ис-

кушением всё же не мог.

Постучал я тихо, но Ая, естественно, меня услышала.

– Входи! – раздался из-за двери её спокойный, холодный голос.

Обратного пути не было.

Я судорожно, глубоко вдохнул, распахнул дверь и зашёл.

Ая сегодня, как ни странно, не читала. Ноутбук, который я ей купил, тоже был выключен, закрыт и лежал на кровати. Ая сидела у окна и задумчиво изучала чистое, без единого облачка, небо.

Мы перебросились несколькими практически ничего не значащими фразами, и я объяснил Ае, что хочу её осмотреть..., а также, словно оправдываясь, для чего мне, собственно, это нужно, почему именно сейчас и так далее.

Ая понимающе кивнула, поднялась, отошла к кровати и неторопливо начала раздеваться. Стояла она при этом, к слову, ко мне спиной, но всего в каком-то шаге-двух от меня.

Ая сняла штаны, рубашку и завела руки за спину, готовясь расстегнуть бюстгальтер.

– Достаточно. – Я поднял руку, изо всех сил стараясь успокоиться. – Достаточно..., я осмотрю тебя так.

Ая убрала из-за спины руки и повернулась ко мне. Её длинные, слегка волнистые волосы при этом плавно качнулись и чуть блеснули. По ним почти бесшумно пробежала сеточка небольших ярко-голубых молний. Запах озона, идущий от её обнажённого тела, был... чище, мягче и соблазни-

тельнее. Я смотрел на неё, как на чудо, не в силах отвести глаз.

– Ты смотришь на меня так, словно тебе нравится моё тело. – произнесла Ая и изучающе оглядела себя. – Почему?

Она подняла глаза. Молний в них не было.

Наши взгляды встретились, и я понял, что не могу врать.

В горле у меня пересохло.

– Оно... мне... нравится... – произнёс я и с усилием от-вернулся.

В этот миг я ненавидел себя.

– Ты создал меня. Я не совсем понимаю, что ты хочешь, но думаю, что не вправе противиться.

Ая по-прежнему смотрела мне в глаза, спокойно и словно с пониманием, видимо ожидала моего решения.

После этих её слов я сломался. Во мне что-то умерло, и я понял, что убью себя прежде, чем дам себе её коснуться.

Странно, но мысль о смерти меня успокоила. Я указал Ае взглядом на одежду, вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь.

Вернувшись в лабораторию, я быстро приготовил то, что было мне нужно – сильнейший яд, убивающий мгновенно. С тех пор он всегда был со мной.

Как-то этот проклятый день всё же закончился. За ним прошёл ещё один и ещё. От Аи я пока старался держаться подальше, а она почему-то, напротив, вдруг... словно заин-

тересовалась мной. Уже несколько раз мы «случайно» встречались на кухне. Совпадением это быть не могло.

В довершение ко всему Ая вдруг, резко, «сменила имидж», вместо своего обычного строгого костюма начала носить собственную «одежду», сотканную из электричества, «топик» и «юбку». Выглядело это потрясающе. Теперь даже от случайного взгляда на неё я краснел и чувствовал, как моё сердце начинает биться словно сумасшедшее.

Моя следующая с Аей встреча случилась и вовсе внезапно. Я как раз сидел в лаборатории, за микроскопом, и изучал её обновлённую «кровь». Как учёный, к слову, я запутывался всё больше. Того, что я видел, просто не могло быть.

В дверь вдруг тихо, но чётко постучали. Я вздрогнул и едва не оттолкнул микроскоп. Пачка последних распечаток, от моего удара локтём, свалилась на пол и рассыпалась.

– Входи... – пробормотал я словно в полусне и торопливо, невидящим взглядом, уставился в микроскоп.

В лабораторию ко мне Ая заходила впервые.

Пластиковая герметичная дверь сухо щёлкнула, открылась, и в помещении тут же разлился знакомый и уже ставший привычным запах озона. Ая быстро вошла и так же, до щелчка, плотно закрыла дверь.

Мне вдруг почему-то показалось, что в помещении стало свежее и прохладнее, словно я сам неожиданно оказался снаружи. Лампы дневного света загудели чуть громче, а некоторые так и вовсе замерцали.

Я машинально сунул руку под стол и щёлкнул тумблером, обесточив все компьютеры и электронное оборудование. Эту «меру защиты» я придумал уже давно, но не ожидал, что она и вправду когда-нибудь мне пригодится. Электроника Аю не слишком любила. Даже ноутбук для неё мне пришлось предварительно изолировать.

– Работаеть?

Ая подошла к моему столу, на миг замерла, затем присела на корточки и начала собирать рассыпавшиеся распечатки.

– Угу. – Я хотел было ей помочь, но передумал. Мы и без того были слишком близко. – Ты..., тебе что-то нужно?

Я чуть повернулся на кресле к ней, делая вид, впрочем, что не слишком заинтересован. По правде же мысли мои неслись галопом. Своим приходом Ая перепугала меня не на шутку.

– Я в порядке, и у меня ничего не болит. – Ая поднялась и положила идеально ровно сложенную пачку бумаг мне на стол. – Не смотри так. У тебя... «на лице всё написано».

Она скользнула взглядом по тёмным экранам обесточенных компьютеров и медленно пошла по лаборатории, на что-то поглядывая мельком, у чего-то задерживаясь.

Я перевёл дыхание. Врать Ая не умела..., наверное. Я вдруг понял, что даже если она мне соврёт, то я этого не пойму. И эта мысль мне не понравилась. Очень.

Я повернулся на кресле ещё чуть-чуть и быстро окинул Аю взглядом. Цвет кожи у неё был нормальным..., для неё,

крови, вроде бы, тоже нигде не было, координация движений была в порядке..., да и всё остальное тоже. И всё-таки я нервничал.

– Со мной всё в порядке. – Ая вдруг обернулась. – Не волнуйся. Люди от этого раньше умирают. Все мои жизненные показатели в норме. Я сама за ними слежу.

Она бесцеремонно открыла шкаф с реактивами и начала там всё разглядывать. Я молчал, собираясь с мыслями. Изменения в Ае всё же были. Её проницательность и коммуникативность выросли в разы.

Либо она изучала книги по невербальному общению и прочему..., либо научилась читать мысли. От последнего предположения мне стало слегка не по себе.

– Кстати..., эта одежда мне подходит? Я красивая в ней?

Ая вдруг, неожиданно, отошла от раскрытого шкафа и подошла ближе, остановившись прямо возле меня. Тон её голоса был обычным, холодным и ровным..., но сам вопрос..., его я понял не сразу.

Я вздрогнул, оторвался от микроскопа, бросил на Аю быстрый взгляд и как-то неловко, дёргано кивнул. Рта я не раскрывал, потому что боялся, что на одних лишь комплиментах не остановлюсь. Стук моего сердца... она наверняка слышала. Незаметно, чтобы немного успокоиться, я запустил руку в карман халата и крепко, до боли, стиснул спасительный бутылёк. Последнее, крайнее, средство. Словно пистолет и один патрон.

Ая молчала, но я чувствовал, что она готовится меня «добить», спросить ещё что-то. Продолжать пялиться в микроскоп стало неуместно. Я повернулся на кресле к ней и поднял глаза.

Наши с Аей взгляды на миг встретились, и я вдруг заметил в глубине её чёрных глаз слабые всполохи света. Длилось это, впрочем, совсем недолго, поэтому вполне возможно, что мне показалось.

– Что такое «любовь»? – Ая посмотрела мне прямо в глаза, явно изучая мою реакцию. – Я много читала, думала..., но не понимаю. Не могу понять. Во многих книгах этому чувству придаётся большое значение. Люди считают его важным. Почему?

Она покосилась на ближайшую к ней лампу дневного света, которая вдруг загудела чуть громче и замерцала сильнее.

Я растерялся. Как объяснить незрячему, что такое фейерверк или радуга? Некоторые вещи нельзя описать словами. Наверное, умение чувствовать – одна из них.

– Это... сложно... – Пробормотал я, наконец. – Я плохо в этом разбираюсь.

Кто бы знал, насколько мне сложно было сдерживаться. Я хотел ей признаться. Прямо сейчас. Осыпать её комплиментами, сказать, что не представляю себе жизни без неё, и это была правда, подарить ей что-нибудь, сделать её счастливой...

– А ты «любил» когда-нибудь?

Ая вновь попыталась поймать мой взгляд, но я быстро открыл ящик стола и уткнулся в него, сделав вид, что что-то там ищу.

После небольшой паузы я отрицательно помотал головой. Весь мой вид, как я надеялся, должен был показать Ае, что её вопрос неважен, я слишком занят и вообще она меня отвлекает. Ответил я ей, хотя, почти честно. Опытом в таких делах я, и правда, похвастаться не мог. Ая была моей первой любовью. До неё я думал, что неспособен на чувства. Женщины и вообще «отношения» всегда казались мне пустой тратой времени.

– Любовь – это глупость. Ясно.

Ая вдруг слегка поклонилась мне, быстрым шагом вышла из лаборатории и закрыла за собой дверь. Помещение стало медленно заполнять прежний запах подвала и химикатов.

В эту ночь мой сон про Аю вдруг изменился, из светлой сказки превратился в мрачный, тяжёлый, кошмар. Одиночество. Я чувствовал, как оно, словно липкий густой туман скрывает всё.

Я видел гаснущие молнии, слышал далёкий, затихающий, отчаявшийся, гром. Ая умирала. Умирала где-то в глубине этого тумана, а я не мог её отыскать.

Проснулся я в холодном поту, в ужасе, резко, словно вынырнув из толщи воды. Скорее всего, я кричал, звал её, не знаю. Во сне точно кричал.

Чувствовал я себя ужасно. Вчерашние вопросы Аи, её поведение и, в довершение, мой сон начисто выбили меня из колеи.

Я кое-как умылся, налил себе кофе, спустился в лабораторию и часа два тупо, расфокусированным взглядом, пялился в микроскоп. Кусочки мозаики в моей голове медленно складывались воедино. Ещё спустя какое-то время я понял, был уверен, что понял, что с Аей произошло.

Осознав собственную уникальность, созданная мной девушка осознала и одиночество. Одна... в целом мире. Одна. Даже с отсутствием эмоций у Аи это не могло на неё не давить. Скорее всего, это было что-то вроде подсознательного страха, «фобии» полного одиночества. И вряд ли она сама её осознавала, по крайней мере, до конца.

Внезапно возникший интерес Аи ко мне объяснялся просто. Я связывал её и остальной мир, случайно оказавшись между ними. Поэтому же она за меня «волновалась». От безысходности. И этого я в своём «эксперименте» не учёл. Хотя..., дело тут было уже, конечно, не в науке.

Сколько буду жить я и сколько она? Судя по тому, что я видел, созданная мной девушка вообще, скорее всего, была «бессмертной». Старение Ае не грозило, а любые микробы умирали, лишь только приближаясь к ней.

Всё это было нечестно. Так теперь я видел свой эксперимент. Внезапно возникшая догадка опалила моё сердце, словно кислота. Безэмоциональность Аи. Могла ли она быть

лишь видимостью? Могло ли быть так, что её эмоции «спали», ожидая того, что сможет их пробудить?

В конце концов Ая меня превзошла, как и любой хороший ученик своего учителя. Её решение изучать любовь было верным, но... «изучать» не значит чувствовать. Теперь, зная всё, я должен был ей помочь..., даже если это означало, что сам я останусь лишним. Я должен был сделать ей пару. Мужчину такого же, как она.

На споры с самим собой, обдумывание деталей моего плана и закупку необходимого у меня ушло ещё несколько дней. Ая в своих поисках тоже не останавливалась. Моё мнение, что «любовь – это глупость» она, видимо, сочла недостаточно объективным.

Наконец я закончил приготовления и рассказал Ае о том, что собираюсь сделать. Мнения её я при этом не спрашивал и попросту поставил её перед фактом. Краснея и бледнея, мне пришлось объяснить Ае, что любовь – это не глупость, и она просто неправильно меня тогда поняла.

Вообще, конечно, я сделал бы всё и сам..., если бы мог. Теперь, переосмыслив ещё раз свою теорию, я понял, почему у меня тогда получилось. Оживлять может лишь любовь. Да. Это было совершенно ненаучно, недоказуемо и всё же... я это просто знал. Начальные, пробные, куклы не оживали, потому что мне не было до них дела, а Аю... я полюбил за-долго до того, как она впервые открыла глаза.

Тело будущему другу Аи я, естественно, создавал, соглашаясь с её понятиями прекрасного. Это было обидно и больно. На меня готовый компьютерный прототип был даже и близко не похож.

Ая, к слову, за пару дней освоила все необходимые теоретические знания и теперь обращалась с любым оборудованием и компьютерами не хуже профессионала. Работу свою она выполняла в резиновом защитном костюме, на чём стояла сама, так что проблем со сбоями в электронике у нас больше не было.

Наконец, спустя примерно месяц, мы всё закончили. Странно, что у меня получилось. Ведь я понимал, что делаю соперника. Делаю того, кто изначально будет лучше меня. Того, кто будет достоин её любви. О главной проблеме оживления я Ае, конечно же, рассказал ещё перед началом работы, однако до сих пор не был уверен, что она правильно меня поняла.

Возле нашего творения, впрочем, Ая крутилась часто. Иногда сидела рядом, брала «манекен-заготовку» за руку и задумчиво вглядывалась в его красивое, идеальное, лицо.

Я на это старался внимания не обращать, гасил острые, как бритва, вспышки ревности, а затем и вовсе стал принимать успокоительные таблетки, сведя свою эмоциональность к уровню бездушного механизма. Сны мне в последнее время тоже больше не снились.

На следующее утро я проснулся часа на три раньше обычного. День намечался слишком важный, а мои спасительные таблетки, как назло, вчера вдруг закончились. С другой стороны вмешаться в процесс, всё остановить или саботировать, я уже не мог, поэтому и смысла в них больше не было. Может быть, это было даже хорошо.

Быстро умывшись и плеснув себе кофе, я вышел из дома и пошёл к сараю во дворе. Оживление Аи я проводил в доме, но в этот раз, естественно, так делать уже не рискнул.

Снаружи дул лёгкий, свежий ветерок, да и вообще было довольно прохладно. Ая, как я и предполагал, уже ждала меня, правда почему-то не в самом сарае, а рядом с ним. Она стояла и смотрела в уже совсем по-осеннему хмурое небо.

Мы коротко и почти синхронно кивнули друг другу в знак приветствия, что за это время уже вошло у нас в привычку, зашли в сарай и подошли к нашему творению, лежащему на лабораторном столе.

– Двадцать шесть, шесть, три, двадцать пять, двадцать один, двенадцать. – Я быстро проверил некоторые показатели. – Шестнадцать, тринадцать, шесть..., четыре.

Ая кивнула. Её память позволяла запоминать всё что угодно с первого раза, поэтому все текущие данные исследований она просто держала в уме, а оцифровывали мы их уже позже.

Я вручную перепроверил все кабели и прочее оборудование, подошёл к контрольному пульту и снял блокировку от

случайного запуска процесса. Вообще-то всё уже было готово... и, возможно, я просто неосознанно тянул время.

– Мы... закончили. Теперь ты должна его полюбить.

Я сделал вид, что изучаю ещё что-то на пульте, хотя на самом деле просто пялился на зелёные и синие огоньки, некоторые из которых иногда помаргивали. Говорить мне было тяжело.

– Полюбить...

Ая скользнула взглядом по пульту, рычагу запуска оживления, подошла к нашему творению, лежащему на лабораторном столе и опутанному сетью проводов, и задумчиво провела пальчиками по его плечу, словно оценивая нашу работу. В её взгляде появилось что-то, всего на миг, но... он почему-то стал похож на взгляд пассажира отходящего поезда.

Обратного пути не было.

Я, не в силах оставаться здесь больше, подошёл к двери и открыл её.

– Да. Как только ты полюбишь его, он оживёт. Не раньше. Смотреть на то, как это происходит, у меня не было сил.

Я создал его, но оживить его могла лишь она. Её любовь должна была стать её победой. Не знаю, как это объяснить, но я просто знал, если она полюбит, то сможет всё. Уничтожать и создавать миры. Всё будет в её власти.

Ко мне Ая пришла вечером. Я сидел в лаборатории и кое-

что изучал. За это время я успел многое обдумать. Шанс неудачи был, и я не мог его игнорировать. У меня должен был быть второй, запасной, вариант.

– Я не могу.

Ая подошла ближе, остановилась прямо напротив моего стола и положила на него ключ предохранителя. Перегрузок и сбоев в напряжении за это время не было, что значило, что запускать процесс оживления она даже не попыталась.

Я поднял глаза и вопросительно на неё посмотрел. Ая встретила мой взгляд, почти не моргая. В глубине её чёрных глаз мелькали сеточки небольших молний.

– Нет смысла. Я ничего не чувствую.

Она открыто и можно даже сказать «нагло» принялась меня изучать. Я чувствовал, как Ая отмечает всё: мою осанку, положение рук и глаз и прочее. Зачем она это делает, я не знал.

– Ты ведь ещё не пробовала, как следует. – Я изо всех сил попытался улыбнуться, но мне это не удалось. – Может немного подождём?

Ая отрицательно покачала головой и бросила взгляд на результаты моих сегодняшних исследований. С её скоростью чтения это означало, что она уже всё поняла.

– Он мне нравится. И я знаю, что полюбила бы его, но я не могу. Ведь у меня нет сердца. Я холодная. И это ты создал меня такой.

Ая говорила спокойно, ровно, как всегда просто констати-

руя очередной очевидный факт..., и от этого мне почему-то было лишь хуже. «Лучше бы она разозлилась». – Подумал я вдруг. – «Лучше бы накричала на меня и, недолго думая, разнесла тут всё в щепки». Даже проклятые лампы дневного света горели идеально ровно, без единого сбоя или мерцания, несмотря на то, что Ая была в «своей» одежде, из электричества. Её контроль собственной силы стал совершенен... Молнии внутри неё гасли.

Я бросил взгляд на стопку листов с моими сегодняшними исследованиями. Ноотропы и чудовищный стресс сделали своё дело. Это был настоящий прорыв. За это время я нашёл объяснение безэмоциональности Аи. Искусственное сердце, которое я ей создал, работало без биения, ровно, словно обычный насос. Пульса, как такового, у Аи никогда не было.

Я отложил карандаш и ещё раз внимательно посмотрел на Аю. Она как всегда была прекрасна... и как всегда печальна, как и полагается грозе. Сеточки молний в её глазах стали совсем прозрачными и едва заметными.

Я размышлял недолго, ведь в конце концов, что я терял? Цель оправдывала средства полностью.

Да. Именно так.

– Хорошо. – Произнёс я тихо. – Раз у тебя нет сердца, я отдам тебе своё.

С того разговора прошло около месяца. Всё это время я

работал на износ, стремясь создать максимально точное и безопасное автоматизированное хирургическое оборудование. На самом деле, конечно, это была скорее уж модернизация моей прежней разработки, да и денег я не жалел, поэтому работа продвигалась быстро. Вопрос с наркозом тоже оказался не из лёгких, но в конце концов мне удалось решить и его. Готовился к операции я, естественно, максимально тщательно. Любая ошибка могла стоить Ае жизни или слишком рано оборвать мою, чего я допустить не мог.

Наконец этот день настал. Расставаться с сердцем оказалось не так трудно, как я думал. Вся операция, проведённая компьютером, заняла не более трёх минут. Отходя от наркоза, я изучал жизненные показатели Аи. Насос в моей груди, перекачивая кровь, мерно гудел. Чувствовал я себя странно..., не мёртвым, конечно, но..., уже и не вполне живым. Впрочем..., я с самого начала ни на что не надеялся. Эта железка внутри просто должна была дать мне немного времени.

Для Аи операция прошла также успешно. Моё сердце прижилось и, более того, изменилось под её тело почти сразу. Мне, конечно, не нравился слегка учащённый её пульс, но в конце концов для подобной ситуации это могло быть и нормой.

Как только я закончил последний, контрольный, скан её тела, Ая, уже не обращая внимания на мои возражения, поднялась с кровати и подошла ко мне, на ходу вглядываясь в мониторы. Волосы её слегка потрескивали от статики, в гла-

зах искрились яркие и чистые молнии..., а на губах играла первая с момента её рождения, нерешительная, лёгкая и очаровательная, улыбка. Выглядела Ая слегка смущённой и взволнованной.

«Ты молодец», – подумал я, но ничего не сказал, лишь только слабо кивнул и вымученно улыбнулся. Даже дышать мне и то было трудно. Боль в груди постепенно нарастала. Лекарства уже, видимо, не могли с ней справиться.

– Ты можешь мне помочь? – Я взглянул на Аю и с трудом, опираясь на стол и спинку стула, поднялся. – Я... хочу выйти.

«Странно», – мелькнула рассеянная мысль. Я в первый раз обратился к ней за помощью. Ожидаемого унижения я почему-то не чувствовал.

– А как же... микробы?

Ая быстро шагнула ко мне и как-то неловко подставила плечо. Улыбка на её губах вдруг стала какой-то растерянной.

– Тебе они не страшны.

Я опёрся на Аю и сделал шаг к двери.

«И мне тоже», – добавил я про себя. Судя по ощущениям, жить мне осталось чуть меньше пятнадцати минут.

Из подвала лаборатории мы выбрались в напряжённом молчании и лишь каким-то чудом. Я шёл медленно, еле передвигая ногами. Большая часть веса моего тела приходилась на Аю. Наконец, спустя ещё какое-то время, показавшееся

мне мучительно долгим, мы подошли к входной двери.

В ответ на мой кивок, Ая торопливо взялась за ручку, толкнула дверь, но та не поддавалась. «Ключ», – вдруг вспомнил я. В глазах у меня на миг потемнело, а звук насоса стал казаться далёким и тихим. В попытке удержать равновесие, я навалился на Аю уже всем своим весом.

Ая вздрогнула, пошатнулась, но меня удержала..., вернее не дала мне упасть. В последний миг я почувствовал что-то, какую-то мягкую силу, окружившую нас, что-то вроде магнитного поля. «Гравитация», – понял я. Значит теперь она могла управлять и ей.

В голове у меня чуть прояснилось. Я лихорадочно начал соображать, куда же я мог положить ключи. Ни на гвоздике у двери, ни на тумбочке рядом с ней их почему-то не было. «Глупо», – подумал я вдруг. Всё это и впрямь было... глупо.

Ая, тем временем, завела мне руку за спину и, поддерживая, крепко, но мягко меня обняла. В глубине её почерневших, словно сам космос, глаз растерянно и хаотично метались молнии. Такой взгляд я видел у неё впервые.

В глазах у меня вновь на миг потемнело. Ая растерянно глянула мне в лицо, затем, с внезапной яростью, на дверь.

Дом вздрогнул. Я был уверен, что увидел в глазах Аи резкую, яркую вспышку. Дверь с оглушительным хлопком, треском и грохотом слетела с петель и, кувыркаясь, полетела вперёд, словно подхваченная порывом ветра игральная карта.

«Глупая». – Подумал я. – «Тебе же ещё здесь жить».

Мы медленно вышли во двор, а затем прошли чуть дальше, через дыру, которую выбитая дверь проделала в заборе.

Снаружи было... свободно, красиво и хорошо. Небо выглядело встревоженным. Дул прохладный ветер. Вдалеке покрикивала стая птиц.

– Отпусти.

Я чуть отстранился от Аи, снял руку с её плеча и сделал неуверенный шаг к траве. Я хотел лечь. Сам. На сей раз без чьей-либо, пусть даже и её, помощи.

В пальцах левой руки я почувствовал жжение.

«Началось», – мелькнула рассеянная мысль.

Я медленно опустился на траву, расстегнул и сбросил рубаху. Я хотел ощутить ветер кожей. Я хотел. Нет. Я безумно жаждал грозы.

Ая обошла меня, замерла у моих ног и стояла, напряжённо вглядываясь в моё лицо. За её спиной я видел тёмное небо, с быстро бегущими по нему облаками..., и это было прекрасно. Любой другой человек смотрелся бы на этом фоне лишним. Любой другой..., но не она.

С неба вдруг заморосил мелкий, неуверенный, дождь. По волосам и коже Аи пробежала сеточка небольших молний, словно у обычного человека дрожь. Выглядело это почему-то слегка забавно, и я не смог сдержать улыбки. В глазах же Аи медленно зарождался испуг. Она неверяще смотрела на меня и часто-часто моргала, словно лишь сейчас поняла,

на что я ради неё согласился.

– Ты же... – Прошептала она, и в отдалении тихо заурчал гром. – Я не хочу! Я хотела не этого!

Начавшийся дождь быстро превратился в ливень. Молнии вспыхивали одна за другой и освещали небо, словно небывалый фейерверк. Потоки воды окружили тело Аи, словно плащ, заботливо накинутый на её плечи, утешая её.

От меня Ая отвела взгляд лишь на миг. В её глазах полыхнула яркая, белая, вспышка. Молния, наверное самая мощная из всех, что я видел, попала в сарай с нашей ещё не оживлённой куклой и спалила его дотла, оставив в земле лишь дымящийся, оплавленный, кратер.

От грохота раската грома у меня зазвенело в ушах. Дождь быстро остужал землю, и в небо, с оглушительным шипением, поднимались клубы раскалённого молочно-белого пара.

«Она... так и не научилась сдерживаться», – подумал я с лёгким беспокойством и на миг закрыл глаза. Мои мысли и чувства шли, словно через пелену, путались, и мне всё сильнее хотелось спать.

Из полузабытья меня вырвала внезапно наступившая тишина. Открыв глаза, я увидел Аю, по-прежнему стоящую прямо у моих ног. Глаза её были широко распахнуты, а во взгляде читалось смятение, отчаяние и ужас.

Далёкий гром раскатился, словно беспомощный стон. Тучи всколыхнулись и словно вздрогнули. Казалось, что они словно покорные слуги замерли в растерянности и смотрят

на свою госпожу.

«Только не плачь», – подумал я вдруг. Странно, но даже с куском металла вместо сердца я не мог перестать её любить.

Ая посмотрела мне в глаза, вдруг слабо кивнула и, явно через силу, улыбнулась. Её глаза мягко засветились, словно полные звёзды. Я смотрел, не вполне веря в то, что вижу и не в силах оторвать взгляд. Волосы Аи светились, как и само её тело, а в её глазах, вместо молний, медленно, словно два огромных, мощных, водоворота, закручивались... галактики.

Ая подняла голову к небу, вскинула руки и что-то беззвучно зашептала. На какой-то миг мне показалось, что она молится. Исходящее от её тела свечение усилилось, как и почти прекратившийся за это время дождь. Налетел ветер. Тучи пришли в движение и начали выстраиваться в какой-то определённый порядок. Ая закусил губу и сильно побледнела. На миг мне показалось, что она вот-вот упадёт..., но рук она так и не опустила.

Мощнейшее поле энергии, возникшее вокруг тела Аи, волной распространилось до небес и до горизонта, а может и ещё дальше. Оно чуть задерживало падение капель дождя и тоже заставляло их слегка светиться. Выглядело это всё нереально. Словно в какой-то волшебной сказке или фэнтези.

Вдалеке вспыхнула молния. Ярко-зелёная. Салатовая. Это был мой любимый цвет. Следующая оказалась крова-

во-красной, следующая оранжевой... Гром раскатывался раз за разом, оглушительно чисто и звонко.

Я взглянул на Аю, на её дрожащие от напряжения руки, и слабо улыбнулся. Гроза с разноцветными молниями. Последний подарок..., но это действительно оказалось смешно.

Я хотел сказать Ае, чтобы она остановилась, но понял, что уже не могу говорить. И уже умирая я понял, что она любила... меня.

Последняя молния, которую я увидел, оказалась радужной. Она вспыхнула так близко..., прямо над нами, и прошла сквозь моё, уже едва живое, тело. Боли я не почувствовал..., лишь какую-то мягкость и теплоту, словно от ярчайшего солнечного света. Холод в моей груди... отступил. Я чувствовал, как камень в моей груди теплеет. Моё новое сердце дрогнуло и сделало свой первый удар.

Ая бессильно уронила руки, рухнула на колени и, с надеждой подняв голову, посмотрела на меня. Я взглянул на свою любимую и увидел в её глазах слёзы. Плачущая гроза. Не думал, что увижу такое. Она была смущена и пыталась неловко прошептать что-то, но слова её не слушались. Да они и не были нужны.

Внезапно я ощутил злость.

Это мой ребёнок. Моя девочка. Самая сильная и в то же время самая беззащитная в мире. А я вот-вот оставлю её одну. Она была слаба, а я не видел..., она плакала, а я не ви-

дел... Я не могу бросить её такой... и не хочу.

Сейчас я понял, что не хочу умирать.

Я взглянул на небо и услышал музыку. Тихая, как удары сердца, мелодия, полная скрытой мощи. Она лилась и обнимала меня. Я чувствовал, что и я часть этой музыки. Ая всё же сделала мне подарок, дала почувствовать ЭТО, хоть и в последний раз. Я знал, что вот-вот умру, но был счастлив.

– Это не я. – произнесла Ая тихо и, обернувшись, неуверенно взглянула на небо.

Мне вдруг захотелось сделать что-то безумное. Я осторожно попытался изменить ритм, что слышал в небе и внутри себя. Облака закружились, нахлынул ветер. «Я тоже тебя люблю», – написал я на небе, поставил восклицательный знак и улыбнулся..., а в небе гулким басом раскатился гром.

П.С. Ну что сказать. Благодарю всех, кто купил мой рассказ и дочитал его до конца :) Как вы, наверное, уже заметили у этого произведения получилось сразу две концовки, т. к. писалось оно, на самом деле, ОЧЕНЬ долго. Какая из них подходит ему больше – решать каждому из вас. Если рассказ вамглянулся прям очень-очень, то знайте, что лучшая благодарность – деньги :) Причина проста, в данный момент мне приходится тратить львиную долю своего времени на работу (копирайтинг), а не на искусство. Мой кошелёк Яндекс.Деньги – 410011050835671, WebMoney – R141092649854. Как-то так :)